

ГЛАВА 3.

Лев.

Изображения львов известны в искусстве ещё домонгольской Руси. Особенно популярным был этот образ в архитектурном декоре Владимиро-Суздальской Руси второй половины XII – 1230-х гг. (ил. 36). Так, по наблюдениям Г.К. Вагнера, «в декоре одного только Дмитриевского собора во Владимире лев изображён 125 раз, занимая первое место во всей зооморфной пластике. Если к этому прибавить рельефы львов остальных владими́ро-суздальских храмов, то цифра превысит 200»¹⁹². Изображения львов присутствуют также в декоре Успенского собора во Владимире, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Рождественского собора в Суздале, церкви Покрова на Нерли, собора Михаила Архангела в Нижнем Новгороде и др. Эти изображения весьма разнообразны: и львиные маски, и полнофигурные изображения, причём встречаются львы идущие, сидящие, с поднятой одной из передних лап и т.п., большая часть таких декоративных львов мордой обращена к зрителю. Встречаются также два льва с одной головой и львы в составе других композиций – полёта на небо Александра Македонского¹⁹³, царя Соломона, сидящего на троне, и др. Изображение льва (гривастого зверя) «было известно и в Чернигове, а может быть, и в Рязани»¹⁹⁴. Попытки расшифровать семантику «владими́ро-суздальских» львов, как правило, ограничиваются предположениями о том, что львы, во-первых, обозначали стражей, а, во-вторых, свидетельствовали о принадлежности храма князю, т.е. служили

Ил. 36 Изображение льва на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

символом княжеской власти. При этом, «множество иконографических вариантов образа льва, конечно, обусловлено богатством его семантики: от демона до символа Христа!»¹⁹⁵. Более чем неопределённое утверждение. В декоре умбонов золотых врат суздальского Рождественского собора (умбоны датируются рубежом 1230-х – 1240-х гг.) также имеются изображения идущих львов (наряду с птицами, грифонами и др.)¹⁹⁶, причём больше всего таких изображений на западных вратах.

В геральдизированном виде изображение льва присутствует на щите святого Георгия в декоре Георгиевского собора Юрьева-Польского, построенного в 1230–1234 гг. (ил. 37). Святой изображён стоящим анфас и правой рукой держащий копьё, а левой – щит с восстающим львом (*rampant*), при этом хвост льва пропущен между задних ног вверх, подобно хвостам и другим декоративных львов владими́ро-суздальских храмов¹⁹⁷. При этом то, что это именно лев (а не барс или какой-то иной хищный зверь) отнюдь не очевидно, что и привело к довольно неопределённым обозначениям в историографии («лев-барс» у Г.К. Вагнера и даже

Ил. 37 Рельеф с изображением Святого Георгия на портале Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

«лев-леопард-барс» у А.Л. Хорошкевич). Схожее изображение льва также на щите святого воина можно увидеть на миниатюре, изображающей Фёдора Стратилата (ок. 1327 г.) из Фёдоровского евангелия (л. 1 об.) (ил. 38), заказанного ростовским епископом Прохором для Успенского собора в Ярославле в качестве вклада по ярославском князе Фёдоре Ростиславиче (Чёрном) (ум. в 1299 г.)¹⁹⁸. Это также вставший на дыбы хищник, обращённый, впрочем, от зрителя в правую сторону (т.е. отвернувшись от фигуры святого), в то время как лев на щите святого Георгия повернут влево от зрителя.

Ил. 38 Миниатюра с изображением Фёдора Стратилата из Фёдоровского евангелия.

Несмотря на то, что изображения собственно геральдических львов единичны, в историографии, начиная с А.И. Соболевского, чрезвычайно распространено мнение, будто лев был родовой эмблемой или даже гербом Владимиро-Суздальских князей¹⁹⁹. Такое предположение, казалось бы, подтверждается также известной миниатюрой Радзивилловской летописи (кон. XV в.), где изображён въезд в Переяславль в 1132 г. князя Ярополка Владимировича, изгнавшего оттуда своего младшего брата, Юрия Долгорукого (л. 165). На этой миниатюре один из воинов князя-победителя захватывается дубиной на сидящего на задних лапах льва (лев изображён в профиль, а хвост его загнут так же, как и у львов в белокаменном декоре владимиросуздальских храмов). Лев в данном случае большинством исследователей трактуется в качестве княжеской эмблемы Юрия Долгорукого²⁰⁰, что, впрочем, совершенно неочевидно. Ещё один аргумент, правда, весьма слабый – это позднейший герб Владимира, представляющий собой шествующего на задних лапах коронованного льва с крестом. Однако самое раннее изображение этого герба относится к 1672 г. и, можно думать, что его созданием мы обязаны составителям «Титулярника»²⁰¹. Возможно, на выбор этой эмблемы как раз и могла повлиять популярность льва во владимиросуздальском архитектурном декоре домонгольского времени. Во всяком случае, видеть в этих изображениях звенья одной традиции невозможно.

Итак, лев действительно был излюбленным зооморфным мотивом белокаменной резьбы Владимиро-Суздальской Руси домонгольского времени. Как показал Г.К. Вагнер, значительная часть таких изображений выполняла охранительную функцию²⁰². Насколько же можно говорить о льве, как об эмблеме Владимиро-Суздальских князей, вопрос спорный. Так, лев на щитах святых воинов вряд ли может ассоциироваться со знаком княжеской власти²⁰³. Столь же неопределённо изображение льва и на миниатюре конца XV в. из Радзивилловской летописи.

Между тем, на щитах князей изображение льва присутствует, но в Галицко-Волынской Руси, причём в относительно поздний период. Имеются в виду печати последних Галицко-Волыньских князей первой половины XIV в. Так, грамоту князей Андрея и Льва Юрьевичей, сыновей князя Юрия Львовича и правнуков знаменитого Даниила Романовича галицкого, к Великому магистру Тевтонского ордена от 9 августа 1316 г. скрепляет печать, на лицевой стороне которой изображён стоящий воин, а на оборотной – лев вправо от зрителя с изогнутым кверху хвостом²⁰⁴. По всей видимости, эта печать принадлежала Льву Юрьевичу (легенда на печати отсутствует). А.С. Лаппо-Данилевский, занимаясь исследованием этой печати, провёл широ-

кие параллели с изображениями львов на печатях, монетах и гербах средневековой Европы, ограничившись общими рассуждениями, что лев на данной печати мог служить символом власти, силы, мужества и т.п.²⁰⁵, и, как кажется, совершенно упустил из виду более простое и само собой напрашивающееся объяснение. Скорее всего, лев являлся своего рода «гласной» эмблемой, т.е. эмблемой буквально означавшей имя владельца печати – князя Льва Юрьевича. Вообще имя Лев, начиная с сына Даниила Романовича, Льва Даниловича, стало в галицко-волынской ветви Рюриковичей родовым. Само же его появление обычно объясняют тем, что мать Даниила Романовича, возможно, происходила из Византии, чем объясняется и имянаречение другого сына Даниила – Ираклия²⁰⁶. Ничего удивительного, что в соответствии с именем появилась и гласная эмблема на печати, нет.

Геральдизированное изображение льва известно и на печатях следующего волынского князя, а точнее короля Руси – Юрия II (Болеслава) Тройденевича, внука князя Юрия Львовича по матери и племянника Андрея и Льва Юрьевичей. Здесь на лицевой стороне печати изображён князь на троне в венце и со скипетром в руке, а на оборотной – всадник, едущий влево от зрителя, в латах, который правой рукой держит копьё с трёхконечным знаменем, а в левой «треугольный щит с изображением выступающего льва на поле, передними ногами лев упёрся в верхний левый (т.е. правый с точки зрения геральдики) угол щита» (ил. 39)²⁰⁷. С этого времени изображение льва для Галицко-Волынской Руси приобрело геральдическое значение – лев позднее изображался на полугрошах, чеканившихся Казимиром III Великим и Владиславом II (Ягайло) для Червонной Руси²⁰⁸. Во всяком случае, галицко-волынский лев не исчез, как полагает А.Л. Хорошкевич²⁰⁹, а стал затем в польской геральдике гербом Львова. Ян Длугош

Ил. 39 Печать Юрия II Тройденевича, короля Руси.

так описывает одну из хоругвей польского войска в битве при Грюнвальде: «Двенадцатая – земли Леопольской, имела на знамени желтого льва, всходящего как бы на скалу, на лазурном поле»²¹⁰. Такой лев присутствует в качестве герба Львовской земли уже в гербовниках Бергсхаммарском (ок. 1435 г.) и Гимнихском (ок. 1445 г.). Во всяком случае, усматривать связь галицко-волынского льва с владимиросуздалскими абсолютно невозможно.

Что касается нумизматики, то животные, подобные льву, встречаются в качестве изображений на некоторых монетах московского князя (1389–1425 гг.) Василия I (в числе других монетных типов; по определению А.В. Орешникова, «четвероногое (барс)», на лицевой стороне монет)²¹¹, тверских князей Ивана Михайловича (1399–1425 гг.) (очень неопределённое четвероногое животное «со щетинистым хвостом» на одном из монетных типов, на лицевой стороне)²¹², Бориса Александровича (1425–1461 гг.) (подобное же четвероногое животное со щетинистым хвостом, хвост пропущен под заднюю ногу вверх – на нескольких из множества монетных типов, на оборотной стороне и на лицевой и оборотной сторонах)²¹³, Михаила Борисовича (1461–1485 гг.) (несколько вариантов четвероногих зверей, в т.ч. со щетинистым хвостом, острой мордой и т.п., на некоторых монетных типах, на лицевой стороне)²¹⁴, ростовских князей начала XV в. («четвероногое», на оборотной стороне)²¹⁵, суздальского, а затем нижегородского князя Василия Дмитриевича Кирдяпы (вторая пол. XIV в.) («четвероногое» на лицевой стороне монет)²¹⁶. Считать все эти изображения львами, как это делает А.Л. Хорошкевич, решительно невозможно. Большинство зверей крайне неопределённые, а во внешнем виде не имеют каких-либо признаков, позволяющих отождествлять их со львами (элементы гривы, например, как у владимиросуздалских «львов»). Недаром осторожный А.В. Орешников именовал этих зверей условно «четвероногими» или иногда барсами. А то, что барс отнюдь не идентичен льву, совершенно очевидно.

На некоторых монетных типах Василия II также есть неопределённые изображения четвероногих зверей²¹⁷. Но в любом случае монеты подобных типов (с изображениями неких неопределённых четвероногих зверей) являются каплей в море того эмблематического разнообразия, которое было характерно для монет вышеназванных правителей. Поэтому видеть в этих изображениях символ владения великокняжеским столом, символ преемственности от Владимирского великого княжения, на что претендовали и московские, и тверские (а также получается ростовские и суздальско-нижегородские) князья²¹⁸, думается, неправомерно. Тем более, что никаких претензий на статус великих князей Владимирских твер-

ские князья в XV в. не предъявляли (тем более это относится к ростовским князьям)²¹⁹. Так из условного представления о том, что лев был символом великих владимирских князей, и из наличия изображения неопределённого, подобного льву, зверя на отдельных монетных типах XV в., рождаются смелые концепции об истории государственной эмблематики.

Интересны, однако, монетные типы Василия II и Дмитрия Шемяки с изображением князя, сидящего на троне с ручками в форме зверей (львов?)²²⁰. В этих изображениях можно видеть начало эмблематических представлений о троне московских князей как подобии трона Соломона (подробнее об этом далее).

В сфрагистике XV в. изображения львов разных типов известны на некоторых печатях Новгорода (Новгородского совета господ) – на «печатях Новгородских» и «печатях Великого Новгорода» (ил. 40), и на печатях некоторых новгородских посадников и тысяцких. На одной из «Новгородских» печатей начала XV в. изображение зверя сопровождается надписью «А се люты зверь». Это наименование, по мысли ряда исследователей, прямо указывает на льва²²¹. Между тем, само изображение на льва совершенно непохоже, а обозначение «лютый зверь», как правило, подразумевало льва, но далеко не всегда²²². В то же время другие звери новгородских печатей по внешнему виду более подходят на львов.

На княжеских печатях новгородского цикла изображения льва известны на печатях «великого князя Михаила» (Михаила

Ил. 40 Печати Новгорода с изображениями «лютого зверя» и орла.

Александровича, князя Тверского) нач. 1370-х гг., служилого новгородского князя Фёдора Юрьевича, сына смоленского князя Юрия Святославича, 1406–1412 гг., и Василия II (один из типов, этот сфрагистический тип, как показал В.Л. Янин, восходит к новгородским печатям Михаила Александровича тверского). Кроме того, изображение льва, схожее с изображением на печати Фёдора Юрьевича, имеется и на печати смоленского князя Фёдора Святославича сер. XIV в., дальнего родственника Фёдора Юрьевича²²³. Изображение льва на новгородской печати Василия II сходно с изображением льва на печатях княжеских тиунов XV в.²²⁴ Львы присутствуют и на печатях новгородских должностных лиц XV в.: посадников Фёдора Олисиевича, Ивана Лукинича, тысяцких Анании Семёновича и Ивана Александровича²²⁵. На печатях Новгородского совета господ из 18 сфрагистических типов «Новгородских печатей» 6 типов со львом, из 50 сфрагистических типов «печатей Великого Новгорода» 32 типа со львом – в общей сложности 38 типов печатей со львом из общего числа 68 типов, т.е. почти 56 %²²⁶ Всё это показывает, что лев, скорее всего, являлся государственной новгородской эмблемой.

На печатях же московских князей XV в. встречается совсем другое изображение льва – это лев, терзающий змею. Оно присутствует на одном из типов двусторонних печатей Василия II (лицевая сторона, сохранилась при духовной грамоте Василия II, 1461–1462 гг.) и на одном из типов двусторонних печатей Ивана III (оборотная сторона, скрепляла документы с 1462 по 1488 г.)²²⁷. Очевидно, что матрица печати была унаследована Иваном III. Вероятно, она представляла собой западноевропейскую или античную гемму.

Существует мнение, что лев новгородских печатей – это всё тот же «владимирский» лев, появившийся в Новгороде, благодаря верховенству великого князя (тверского в качестве великого князя владимирского, а затем московского в качестве такового) над Новгородом, а само Новгородское государство никакой эмблематики не имело²²⁸. Между тем, наличие льва, например, на печатях князей смоленской династии, ставит эту гипотезу под сомнение. Мне представляется, что это историографическое построение исходит из априорного убеждения в том, что лев обязательно был символом Владимирского великого княжества и только оттуда мог быть заимствован Москвой и Тверью на монеты и из Твери и Москвы в Новгород на печати. Такой взгляд на линейное «путешествие» эмблем мне представляется крайне примитивным. То, что эмблемы в разных центрах могли иметь независимое происхождение, пусть и в общем символично-изобразительном контексте русской культуры того времени, к сожалению, в данном случае не принимается в расчёт. Между тем, изображения различных приблизительно схожих зверей (причём, не обязательно все они

являются львами), спорадически возникающие в разных центрах и на разных материальных «носителях», ещё не свидетельствуют о заимствовании эмблемы одним центром от другого. Тем более, что появление льва на печатях князей в тот период, когда они княжили в Новгороде, определённо указывает на самобытный характер этой эмблемы именно в Новгородском государстве.

Распространённость изображений льва или подобного зверя на новгородских печатях XV в. ни в какое сравнение не идёт с распространённостью подобных эмблем на монетах московских и тверских князей XV в. (причём московских – только первой четверти XV в.), что практически снимает возможность заимствования первого от второго. Следовательно, льва в большей степени можно считать самобытной эмблемой Новгорода, нежели мифической эмблемой «великого Владимирского княжества», пришедшей в Новгород через Тверь и Москву.

Причину такого эмблематического выбора новгородцев И.Э. Клейненберг усматривал в западноевропейском влиянии. Дело в том, что лев – как символ Святого Марка – был эмблемой Венецианской республики, государственное устройство которой было сходно с новгородским (особенно в поздний период существования Новгородского государства). Возможность такого эмблематического заимствования становится тем более вероятной, что ещё одно символическое изображение – Святая София передаёт посаднику символы власти – на новгородских монетах XV века находит аналогии в венецианской нумизматической эмблематике – Святой Марк вручает символы власти дожу²²⁹.

Таким образом, я полагаю, что распространённость эмблемы льва в архитектурном декоре Владимиро-Суздальской Руси домонгольского времени, изображения неизвестных зверей на отдельных монетных типах московских и тверских князей XV в. и изображения львов на новгородских печатях XV в. – три самостоятельных и не связанных между собой символических явления. Объединять их в некую общую эмблематическую линию (причисляя к ней и галицко-волинских геральдических львов XIV в.) мне кажется слишком смелым. Лев как символ власти, как символ правителя – настолько распространённая эмблема в мировой культуре, что отрицать вероятность её независимого возникновения в разных культурных и региональных традициях нельзя. В то же время каждый раз такое появление имело свои, особые причины, так же, как и семантика эмблемы могла отличаться значительным разнообразием. К сожалению, мы мало что можем в этом отношении сказать о львах доцарского периода Русской истории, по причине отсутствия аутентичных объяснений. Любопытно, что значительно более узнаваемый (чем на новгородских печатях)

лев, а точнее голова льва анфас чеканилась на одном из типов новгородских пул, уже после унификации выпуска медной монеты в начале 1490-х гг.²³⁰ Это изображение совершенно не имеет аналогов в предшествующей традиции.

Тем не менее, основным источником для семантики льва в древнерусской культуре, безусловно, были библейские тексты и литература «бестиарного» плана. В «Физиологе» лев описывается прежде других зверей и именуется «царём зверей»²³¹. Это представление соотносится с сопоставлением со львом сына Иакова Иуды. Бытие 49, 9–10: «Сын Иуда скимен, от леторасли сыне мои възде, възлег и поспа яко лев и яко скимен, кто възбудит и, и не скончается князь от Иуды ни старешина от чресл его»; «Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лёг, как лев и как львица; кто поднимет его? Не отойдёт скипетр от Иуды и законодатель от чресл его».

Именно потомками Иуды были цари Давид и Соломон, к которым восходила и земная генеалогия Христа. Христос – «мысленный лев» из колена Иуды, ср. Откр. 5, 5: «И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей её», сопоставляется со львом, который хвостом замечает свои следы, чтобы охотники по следам не могли найти его логова и поймать его. «Так и Спас мой... скрыл мысленные следы свои, то есть божественность. До сошествия своего с ангелами как ангел был, с архангелами – как архангел, с престолами – как престол, с властями – как власть. И вошёл в чрево Богородицы Марии, чтобы спасти заблудшего человека... И не знающие, что Он сошёл свыше, говорили: «Кто Он, Царь славы?». Затем говорит: «Господь сил, Он – Царь славы»» (Пс. 23, 10)²³². Слово сочетание «Царь Славы» опять-таки соотносится со львом как царским символом.

Второе значение льва в «Физиологе» – это бодрствование Божественного духа. «Когда спит лев в пещере, бодрствуют очи его, ибо открыты они»²³³. Такая особенность льва сопоставляется с открытыми очами Бога на Соломонов храм днём и ночью (3 Царств 8, 29), словами Соломона из Песни Песней: «я сплю, а сердце моё бодрствует» (Песн. 5, 2), словами Псалтири о Боге: «Не дремлет и не спит хранящий Израиля» (Пс. 120, 4), тем, что «плоть Господа моего спит на кресте, а божественность его «одесную Отца» бодрствует»²³⁴. Именно это представление лежит в основе широко распространённого использования различных изображений львов в качестве стражей (в том числе и царского престола).

Третье значение льва связано с представлением о том, что львица рождает мёртвого детёныша и охраняет его пока не придёт отец и на третий день не дунет ему на лицо и не пробудит его. «Так и Бог Вседержитель, Отец всего, на третий день пробудил «рождён-

ного прежде всей твари Сына», Господа нашего Иисуса Христа, из мёртвых, чтобы он спас заблудший род человеческий. Хорошо сказал Иаков: «...и как молодой лев; кто пробудит его?»²³⁵. С этим текстом сопоставляется место из книги Бытия – Быт. 2, 7: «И созда Бог человека, персть взял от земля, и вдунул в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу», «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою»²³⁶. Со львом в «Физиологе» таким образом сопоставляется сам Господь, а Христос – со львёнком (молодым львом, скименом). Соответственно, рык льва в Библии соотносится с гласом Божиим – Книга пророка Амоса 3, 8: «Лев взревет, и кто ся не убоит. Господь Бог глагола, и кто не проречет», «Лев начал рыкать – кто не содрогнётся? Господь Бог сказал – кто не будет пророчествовать?».

Итак, лев, с одной стороны, бодрствующий страж, с другой, царственный зверь, символизирующий царя, сопоставляемого с Христом. В славянской книжной традиции лев, помимо вышеотмеченных толкований, имеет также следующие символические смыслы: обозначение неисповедимого Божьего промысла, таинства крещения (оживление львом львёнка), Святого Духа (тот же сюжет), человека, тайно творящего милостыню и молитву (лев, заметающий свои следы), человека, имеющего помыслы о добрых делах (якобы, съедая человека, лев не трогает его голову, над которой плачет и которую погребает), человека, искупающего свои грехи покаянием (человек искупает свои грехи, подобно тому, как лев замечает свои следы). Как сильный зверь, лев обозначает непобедимых воинов и является символом бесстрашия и стойкости. Отрицательная семантика представлена двумя значениями: обозначение злых правителей (лев – лютый зверь – царь) и дьявола, похищающего человеческие души (лев поедает зверей, переступивших границу его владений)²³⁷.

Изображения львов на различных памятниках культуры эпохи Московского царства актуализировало и царскую, и охранительную, и военно-победоносную семантику этого символа. В качестве символов царской власти, причём устрашающего характера, и одновременно стражей львы украшали ворота Опричного двора в Москве. По описанию Генриха Штадена, на северных воротах двора «было два резных разрисованных льва, вместо глаз у них были пристроены зеркала... Один стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой, такой же, смотрел во двор»²³⁸.

Большое значение в распространении царской львиной символики имело библейское описание трона царя Соломона из Третьей книги Царств 10, 18–20: «И сотвори царь престол от кости слоновых велик. И позлати и златом искушенным. 6 степени престолу. И на връху его бысть округлость создаи. И руце сюду и сюду на

престоле идеже сести и два льва стояща у руку, и 12 льва стояща беста ту у степении сюду и сюду. И не бе тако ни в коеже царство» (Острожская Библия) – «И сделал царь большой престол из слоновой кости и обложил его чистым золотом; / К престолу было шесть ступеней; верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники, и два льва стояли у локотников; / И ещё двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны. Подобного сему не бывало ни в одном царстве»²³⁹. Существенно, что львы сопровождали тронное место правителя²⁴⁰.

На библейское описание трона Соломона опирались создатели трона византийских императоров в Магнавре (Магна Аура – «Великая Золотая» палата) – зале для официальных приёмов в комплексе императорского дворца в Константинополе. Епископ Кремонский Лиутпранд, посещавший Византию во главе официальных посольств в 949 и 968 гг., так описывает трон византийских государей: «Перед императорским тронном стояло бронзовое, но позолоченное дерево, на ветвях которого сидели птицы различных видов, тоже бронзовые с позолотой, певшие на разные голоса, согласно своей птичьей породе. Императорский же трон был построен столь искусно, что одно мгновение казался низким, в следующее – повыше, а вслед за тем – возвышенным; [трон этот] как будто охраняли огромной величины львы, не знаю из бронзы или из дерева, но покрытые золотом; они били хвостами о землю и, разинув пасть, подвижными языками издавали рычание» [«Антаподосис» («Воздаяние»), книга 6, V]²⁴¹.

Тот же символический прототип пришёл и в Россию. В записках иностранцев отмечается подобие трона русских царей трону царя Соломона. Так, Станислав Немоевский при описании трона Лжедмитрия I замечает, что у подножия трона, окованного «позолоченным серебром», находились «два больших серебряных льва, не позолоченные», и, подводя итог своему описанию, говорит: «В общем этот трон – подобие Соломонова трона, как его описывают в Библии»²⁴². Схожие сведения сообщаются и в «Дневнике Марины Мнишек»: «Весь трон был из чистого золота, вышиною в три локтя, под балдахином из четырёх щитов, крестообразно составленных с круглым шаром, на котором стоял орёл великой цены. ... Колонны утверждались на двух лежащих серебряных львах вышиною с волка. На двух золотых подсвечниках стояли грифы, касаясь колонн»²⁴³. Имперский посол Георг Паэрле, бывший свидетелем церемонии бракосочетания Лжедмитрия I с Мариной Мнишек 8 мая 1606 г., так описал царский трон: «Все украшения трона были из литого золота, к нему вели три ступени, вокруг него лежали четыре льва серебряные, до половины вызолоченные, а по обеим сторонам на высоких

серебряных ножках стояли два грифона, из коих один держал государственное яблоко, а другой – обнажённый меч»²⁴⁴.

Тем не менее, только один из сохранившихся до наших дней царских тронов обнаруживает непосредственную аналогию с библейским описанием трона Соломона. Это знаменитый костяной трон, приписываемый Ивану Грозному (по всей видимости, безосновательно). Ряд его особенностей прямо отсылает к библейскому прототипу: 1. «Престол из слоновой кости»; 2. «Верх сзади у престола был круглый»; 3. «И были с обеих сторон у места сиденья локотники». Неизвестно, впрочем, существовали ли фигуры львов, сопровождавшие это царское место. Следует заметить, что львиные фигурки, находящиеся сейчас в основании костяного трона – явно поздние, так же как и фигурка двуглавого орла, увенчивающая спинку трона.

Тот же прообраз исследователи усматривают и в «Мономаховом троне» – Царском месте Ивана Грозного в Успенском соборе Московского кремля (1551 г.)²⁴⁵. Однако это неточно, поскольку количество львов и их местоположение у Соломонова трона были принципиально иными (12 львов на 6 ступенях и 2 у локотников – всего 14), нежели расположение фигур четырёх зверей в основании Царского места (о самих зверях см. далее). А кроме этого больше никаких совпадений с библейским описанием не обнаруживается.

Особенно ярко была представлена львиная «тема» в оформлении дворца Алексея Михайловича в Коломенском. Здесь также в основе лежала библейская традиция Соломонова трона, причём, как показал О.Р. Хромов, под «Соломоновой полатой» мог подразумеваться как весь дворец, так и всё пространство царского двора²⁴⁶. Скульптуры восьми львов украшали дворцовые ворота, построенные в 1672–1673 гг. и служившие парадным въездом на Государев двор. По свидетельству участника голландского посольства в Москву Балтазара Койэта, посетившего Коломенский дворец в июне 1676 г., «за воротами стояли четыре льва, сделанные из дерева и одетые в шерсть, похожую на львиную. Внутри львов находились часовые механизмы, пружина которых заставляла львов ворочать глазами и по временам издавать страшный рёв. Внутри ворот находилось четыре таких же льва»²⁴⁷. Известно, что эти львы были сделаны мастером Оружейной палаты Петром Высоцким в 1672 г., они функционировали, по крайней мере, до начала 1680-х гг.²⁴⁸ По всей видимости, ещё четыре льва стояли на ступенях у царского трона в Тронной палате дворца. Их медные туловища (по 66 кг каждое) ещё сохранялись в подклете дворца в 1742 г.²⁴⁹ Судя по чертежу дворца 1768 г. П. Макулова и И. Васькова, тронное место находилось на возвышении в две ступени²⁵⁰. Следовательно, количество львов соответствовало числу ступеней, ведущих к царскому трону, и львы стояли с двух сторон

на ступенях. Общее число львов Государева двора, таким образом, равнялось 12-ти (8 в воротах и 4 в Тронной палате), что соответствует количеству львов перед тронном Соломона (не считая двух львов у локотников, входивших в оформление самого трона библейского царя). Сложно сказать, к каким именно коломенским львам относились известные слова Симеона Полоцкого из его «Приветства» на царское новоселье, состоявшееся, по всей видимости, в 1673 г.

«Дом Соломонов тым славен без меры,
Яко ваянны име в себе зверы.
И зде суть мнози, к тому и рикают,
Яко живии лви глас испущают;
Очеса движут, зияют устами,
Видится хошут ходити ногами.
Страх приступити, тако устроенни,
Аки живше лви суть посажденни»²⁵¹.

Ясно, что львы выполняли функцию стражей, а их присутствие у царского трона уподобляло его трону Соломона.

Согласно реконструкции Н.А. Стулова (1940-е гг.) наличников царского дворца в Коломенском (опирающейся на рисунок фасада дворца П. Макулова и И. Васькова, а также, возможно, и на рисунок Дж. Кваренги), два крылатых льва поддерживали двуглавого орла в оформлении центрального окна царского кабинета (служившего вторым тронным залом). Само окно было выделено также двумя столбиками – небольшими колоннами, опиравшимися на фигуры двух львов анфас²⁵². Подобным образом было выделено и окно царского кабинета (престольной палаты) Теремного дворца в Московском кремле (т.н. «Челобитное окно») – в современном своём виде резные столбики по бокам окна стоят на двух львиных фигурах (верхняя часть наличника с двуглавым орлом, судя по геральдическому изображению, относится к середине XIX в.).

Традиция помещения львов у царского престола прослеживается и в оформлении тронов ножками в виде львиных лап (или фигурками львов под ножками). Древнейший сохранившийся русский пример такого рода находится в том же Коломенском. Это каменный трон («царское место») в восточной части галереи церкви Вознесения (освящена в сентябре 1532 г.), который примыкает к внешней стороне алтарной стены храма. Назначение этого «царского места» неясно, однако, благодаря исследованиям, установлено, что древнейшая часть этого сооружения, к которой относятся и ноги трона, выполненные в виде звериных лап, датируется временем возведения храма (сидение трона и его ноги были раскрыты П.Д. Барановским в 1920-х – 1930-х гг.)²⁵³. Эти звериные лапы имеют форму

львиных, однако, покрыты растительным орнаментом, возможно, близким по стилистике к искусству итальянского Ренессанса.

Ныне в коллекции музея в Коломенском хранится несколько деревянных скульптур львов, сравнительно небольшого размера, датируемых XVII веком. Одна из этих скульптур являлась деталью царского моленного места в Троицком соборе Ипатьевского монастыря в Костроме.

Но кроме искусственных львов, бывали в Москве и львы живые. Два живых льва были подарены английской королевой Марией Тюдор русскому послу Осипу Непее 1 мая 1557 г.²⁵⁴ Их привезли в Москву и, по сообщению Генриха Штадена, держали во рву у кремлёвской стены²⁵⁵. Эти львы погибли во время пожара Москвы при нашествии крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г.²⁵⁶ Там же, кстати, некоторое время находился и живой слон (о слонах см. далее). Такой своеобразный зверинец у кремлёвской стены должен был подчеркнуть силу русского государя, подчиняющего себе царей природы, его славу и мощь (подобно другим зверинцам при дворах царей – традиция, идущая ещё со времён Древнего Востока²⁵⁷).

Существенно, что львы и в качестве механических скульптур, и как живые звери выполняли функции стражей у царских ворот или у царского престола. Такое «функциональное использование» львов присутствовало, вероятно, и в оформлении южных («Львиных») ворот Потешного дворца в Кремле (бывших палат боярина И.Д. Милославского, построенных в середине XVII в.). Фигуры львов, как и другие элементы декора этих ворот, в начале XIX в. были перенесены на портал Преображенского богадельного дома, сейчас они хранятся в музее-заповеднике «Коломенское» (ил. 41)²⁵⁸.

Ил. 41 Лев. Фрагмент «Львиных ворот» Потешного дворца.

Кроме того, изображения львов (наряду с другими животными символами) украшали и наличники окон этого дворца (ил. 42). В Грановитой палате (древнейшей, дошедшей до наших дней кремлёвской палате) изображения львов также присутствуют в декоре окон – здесь в нижней части наличников два льва расположены по сторонам восьмиконечной звезды под короной (ил. 43). В интерьере палаты портал дверей с внутренней стороны украшен фигурами двух львов, держащих в лапах щиты, расположенными по сторонам двуглавого орла. А над двуглавым орлом находится большая морда льва анфас. Скульптуры львов стояли и у кремлёвских лестниц, например, у Красной лестницы, спускавшейся от Грановитой палаты к Соборной площади.

Львы – царские стражи присутствуют и в оформлении Теремного дворца (построен в 1635–1636 гг.), но здесь они, возможно, выполняют другую семантическую функцию – указывают на молчание, тишину, которую должны были благоговейно соблюдать входящие в личные покои государя²⁵⁹. Это львиные головы в виде висячих гирек на арках Красного (Золотого) крыльца – парадной лестницы, ведущей в Теремной дворец (ил. 44). В пасти эти львиные головы держат шары, которые, впрочем, при взгляде не снизу вверх, а фронтально можно принять за высунутые языки. Такие же гирьки-львы использовались и в оформлении ворот Потешного дворца, судя по рисунку Ф.Г. Солнцева 1840-х гг. Львы с шарами во ртах могли символизировать ту священную тишину, которая должна была царить в личных покоях государя и членов его семьи – возможно, символический смысл такой тишины в Московском царстве восходит к традициям византийского двора, где дворцовые распорядители именовались силенциариями²⁶⁰.

Парные изображения львов известны и на печных изразцах второй половины XVII в.²⁶¹, и на посольских топорах рынд, судя по изображению двуглавого орла относящихся ко времени Михаила Фёдоровича, – здесь львы расположены по сторонам медальона с двуглавым орлом (ил. 45)²⁶². Как военные символы изображения львов присутствуют на ротных и полковничьих знамёнах полков нового строя²⁶³. «Раковинный левик» (фляжка-пороховница) с 1642 г. упоминается в государевой казне и, вероятно, входил в состав военного царского гардероба²⁶⁴. Вообще же изображения львов на предметах, связанных с царской властью, были очень распространены. Например, колокол 1648 г., вложенный царём Алексеем Михайловичем в Алексеевский монастырь, украшен мордами львов, по сторонам которых помещены орлиные головы, тем самым намекая на государственного двуглавого орла (хранится в музее в Коломенском) (ил. 46). Интересен также посох-жезл царицы Евдокии Лукьяновны, жены Михаила

Ил. 42 Лев. Фрагмент наличника окна Потешного дворца.

Фёдоровича, хранящийся в Оружейной палате. Его серебряное навершие украшено восстающим в геральдической позе львом, борющимся с драконом (ил. 47). По мнению исследователей, этот предмет был создан в XVII в. в Германии²⁶⁵.

Ил. 43 Декор окон Грановитой палаты.

Ил. 44 Красное (Золотое) крыльцо Теремного дворца.

Ил. 46 Колокол, 1648 г. Музей «Коломенское».

Ил. 45 Посольский топор XVII в., Оружейная палата.

Ил. 47 Посохи царя Михаила Фёдоровича и царицы Евдокии Лукьяновны, Оружейная палата. Рисунок Ф.Г. Солнцева.